

A woman with blonde, wavy hair, wearing a light-colored cowboy hat and a white button-down shirt, is playing an acoustic guitar. She is looking upwards and to the right. The background is a dimly lit bar with neon signs and warm lighting. The text 'Андрей Букрин' is overlaid on the top part of the image.

Андрей Букрин

Чернила и черничный пирог

Андрей Букрин

Чернила и черничный пирог

<https://litres.ru/74133672>

SelfPub; 2026

Аннотация

Америка, 1954 год. Эпоха неоновых вывесок, виниловых пластинок и бесконечных дорог. Ей двадцать пять, и в её жизни нет ничего, кроме белоснежного ковбойского костюма, старенькой гитары Gibson и разбитого прошлого. Она — Додди Вэнс, поющая кантри в прокуренных придорожных кабаках Теннесси. Ему тридцать, он приехал из Нью-Йорка с блокнотом и перьевой ручкой. Томас Кинг — писатель-документалист, привыкший верить только сухим фактам и архивным отчетам. Обычная встреча в баре запускает цепочку событий, которая заставит их бросить всё и сбежать на Запад на старом голубом «Шевроле». Впереди их ждут проливной дождь в глухом лесу, опасное прошлое, наступающее на пятки, и легендарная студия Sun Records в Мемфисе, где в один прекрасный день пересекутся пути тех, кого вскоре узнает весь мир. Это история о том, как рождается музыка, способная исцелять разбитые сердца, и о любви, которая пишется не чернилами, а дорожной пылью.

Андрей Букрин

Чернила и черничный пирог

Глава 1. Голос из автомата

Нэшвилл в июне напоминал раскаленную духовку, в которой пахло асфальтом, бензином и жареным беконом.

Дороти «Додди» Вэнс стояла перед зеркалом в крошечной гримерной клуба «Золотая подкова». Гримерной это место называлось лишь условно — по сути, это был глухой тупик за сценой, где пахло сыростью и дешевым лаком для волос. Додди было двадцать пять, и последние пять из них она провела в компании старенькой гитары Gibson и чемодана, оклеенного билетами на поезда.

Она поправила воротник своего белоснежного костюма в ковбойском стиле, расшитого вручную красными розами и серебряной бахромой. Настоящий кантри-исполнитель должен сиять, даже если в кармане у него звенят последние четвертаки. Додди коснулась пальцами тяжелых серебряных серег-колец, глубоко вздохнула и подкрасила губы ярко-алой помадой *Revlon* — главного оружия эпохи.

— Твой выход, Додди! Давай живее, пока парни у барной стойки не перепилились и не начали крушить мебель! — крикнул в щель двери Билли, хозяин заведения, попыхивая де-

шевой сигарой.

Додди взяла гитару. На деревянной деке отполированная ладонями поверхность блестела в полумраке. Она вышла за кулисы.

Зал «Золотой подковы» был затянут сигаретным дымом. За круглыми столиками сидели мужчины в легких фетровых шляпах и расстегнутых воротниках рубашек, и женщины с высокими начесами, лениво потягивающие кока-колу с бурбоном. Настоящая публика Юга — работяги, фермеры, дальнобойщики. Их сердца нельзя было купить фальшью. Они ценили только искренность и хорошую сталь струн.

Когда Додди подошла к микрофону *Shure 55*, который все музыканты звали «птичьей клеткой», гул в зале немного утих. Она улыбнулась — открыто, тепло, как улыбаются старым друзьям на веранде дома.

— Добрый вечер, Нэшвилл, — ее голос, низкий, с мягким южным акцентом, разнесся по залу. — Эту песню я написала по дороге из Мемфиса. Она о тех, кто ищет дорогу домой, даже если дома у них никогда не было.

Она ударила по струнам. По залу поплыл мягкий, тягучий мотив — классический рокабилли-кантри. Но когда Додди запела, разговор за столиками прекратился совсем. Ее голос обладал странной магией: в нем слышался и плач одинокого поезда в ночной прерии, и тепло июльского солнца, и легкая, щемящая грусть разбитого сердца. Она пела о бескрайних дорогах, о неоновых огнях мотелей и о любви, которая все-

гда опаздывает на один автобусный рейс.

В дальнем углу бара, прямо под светящимся автоматом с газировкой, сидел мужчина. Он резко выделялся на фоне местных завсегдатаев. На нем был строгий, хотя и слегка помятый серый пиджак, а на столе перед ним лежал раскрытый блокнот в кожаном переплете и перьевая ручка *Parker*.

Его звали Томас Кинг. Ему было тридцать, и он приехал сюда из Нью-Йорка. Томас не писал стихов и не сочинял музыки. Он был писателем-документалистом. Его стихией были факты, судьбы реальных людей, пыльные архивы и сухие отчеты, из которых он умудрялся создавать пронзительные, живые романы о настоящей Америке. Но сейчас, глядя на сцену сквозь сизый дым, Томас поймал себя на мысли, что его блокнот пуст уже больше часа.

Он смотрел на Додди. На то, как свет прожектора играет на ее светлых локонах, уложенных аккуратной волной, на то, с какой силой и страстью ее пальцы зажимают аккорды. В ее песне была та самая осязаемая, непричесанная правда жизни, которую он безуспешно искал в архивах последние полгода.

Додди закончила песню на высокой, звенящей ноте. Зал взорвался аплодисментами. Мужчины стучали тяжелыми бокалами по столам, кто-то восторженно свистел. Она поклонилась, бахрома на ее рукавах затрепетала, отражая свет неоновой вывески за окном: «Welcome to Tennessee».

Спускаясь со сцены, Додди чувствовала привычную опу-

стошенность и легкую дрожь в пальцах. Она направилась к бару, чтобы попросить у бармена стакан ледяной воды.

— Это было потрясающе, — раздался рядом спокойный, глубокий голос с четким выговором жителя Восточного побережья.

Додди обернулась. Перед ней стоял тот самый мужчина в сером пиджаке. У него были внимательные серые глаза, залегшие от недосыпа тени под ними и едва заметная, вежливая улыбка.

— Спасибо, мистер... — Додди вопросительно приподняла бровь.

— Кинг. Томас Кинг, — он протянул руку. Его ладонь была сухой и теплой, с мозолью от ручки на среднем пальце. — Я пишу книгу о музыкантах Юга. И, кажется, только что понял, с чьей истории она должна начаться.

Додди устало улыбнулась, оперевшись спиной о барную стойку:

— Книгу, значит? Извините, мистер Кинг, но моя история стоит дорого. Как минимум — чашки хорошего черного кофе и черничного пирога в дайнере напротив. Идет?

Томас улыбнулся уже шире, пряча блокнот в карман пиджака:

— Ради такого голоса я готов скупить весь черничный пирог в этом штате.

Они вышли на улицу, где ночной Нэшвилл уже зажигал свои первые, манящие неоновые огни. Так началось лето 1954 года.

Глава 2. Чернила и черничный пирог

В дайнере «У Мэгги» пахло пережаренным фритюром, дешевым табаком и ментолом. Музыкальный автомат в углу хрипел старой пластинкой Леса Пола, а неоновая вывеска за окном — огромная розовая чашка — монотонно трещала, посылая бледные блики на лакированный деревянный стол.

Томас сидел напротив Додди, крутя в пальцах тяжелую фарфоровую кружку с отвратительным, слишком горьким кофе. Из-за тридцатиградусной жары и душного воздуха Нэшвилла воротник его сорочки неприятно лип к шее, но он даже не думал снимать пиджак. Привычка нью-йоркского репортера держать марку не исчезала даже в этой глуши.

Он смотрел на нее, пока она аккуратно отделяла вилкой кусочек черничного пирога.

«Ей двадцать пять, — мысленно зафиксировал Томас, включая свой профессиональный режим наблюдения. — Но в ее глазах — все сорок. В Нью-Йорке такие девушки в двадцать пять уже замужем за клерками из Уолл-стрит, воспитывают двоих детей в аккуратных пригородных домиках и спорят о качестве стирального порошка "Tide". А у этой на пальцах — мозоли от стальных струн, а под глазами — едва заметные тени от бессонных ночей в плацкартных вагонах».

Его поразило то, как легко она носила свой нелепый, с точ-

ки зрения жителя Бруклина, наряд. Этот белоснежный ковбойский костюм с вышитыми розами на ком-то другом выглядел бы карнавальным реквизитом. На ней же он сидел как влитой — словно вторая кожа, защитный панцирь от этого грубого, пахнущего перегаром мира придорожных кабаков.

— Вы так пристально смотрите, мистер Кинг, будто пытаетесь разглядеть на мне ценник, — Додди подняла взгляд, и ее зеленые глаза блеснули в полумраке дайнера с легкой долей вызова. — Или прикидываете, сколько строчек займет моя биография? На одну страницу хватит?

Томас негромко усмехнулся, сделав глоток кофе:

— Простите мою бесцеремонность. Профессиональная деформация. Я привык искать в людях скрытые швы. Выискивать, где заканчивается образ и начинается настоящий человек. Но в вашем случае, мисс Вэнс, швов не видно. Ваша песня на сцене... она была слишком настоящей. Откуда в вас это?

Она усмехнулась, опустив вилку, и на мгновение отвела взгляд в окно, где по шоссе с грохотом пронесся тяжелый грузовик, обдав стекло светом фар.

«Она защищается, — отметил про себя Томас. — Каждый раз, когда я задаю прямой вопрос, она включает южный шарм или уходит в иронию. Типичное поведение человека, который привык рассчитывать только на себя».

Томас открыл свой блокнот. Чистая желтоватая страница

ждала первых слов. Обычно он начинал с сухих фактов: «Дороти Вэнс, родилась тогда-то, поет в стиле хиллбилли-кантри». Но сейчас его рука замерла. Он поймал себя на мысли, что стандартные репортерские клише здесь не сработают.

Он хотел написать не просто статью для издательства *Harper & Brothers*. Он хотел зафиксировать на бумаге самую суть этой девушки — этот контраст между хрупкими плечами, обтянутыми дешевым атласом, и сильным, почти пугающим голосом, который заставил замолчать банду пьяных дальнобойщиков.

— Мой отец говорил, что если кантри-певец не плачет внутри, когда поет, то публика потребует вернуть деньги за выпивку, — тихо произнесла Додди, снова повернувшись к нему. — Вы ведь ищете драму для своей книги, Томас? Хотите узнать, кто разбил мне сердце?

Томас посмотрел прямо в ее глаза. В этот момент, без света прожекторов, она казалась удивительно беззащитной, несмотря на всю свою напускную дерзость.

— Нет, Додди, — мягко ответил он, впервые назвав ее по имени и отложив ручку. — Мне не интересны банальные сплетни. Я хочу понять, как рождается музыка, которая заставляет такого сухаря и прагматика, как я, забыть о времени и работе.

Она внимательно вглядывалась в его лицо пару секунд, словно проверяя его слова на прочность. Затем ее губы тронула едва заметная, но уже искренняя улыбка. Она пододви-

нула к нему тарелку с пирогом:

— Ладно, мистер Кинг. Ешьте свой пирог. Пожалуй, я расскажу вам, как продала свои первые золотые часы, чтобы купить ту самую гитару.

Томас придвинул блокнот ближе. Чернила на кончике пера были готовы зафиксировать историю, которая, как он уже смутно догадывался, изменит не только его книгу, но и его самого.

Глава 3. Пыль дорог и разбитые пластинки

За окном дайнера пронзительно застрекотали цикады, на мгновение заглушив гул проезжающих по шоссе грузовиков. Додди облокотилась на стол, задумчиво разглядывая сигаретный дым, поднимающийся к пожелтевшему потолку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.